

anniversary of the Institute for the History of Science and Technology. 1932–2012. History of the Institute in the publications of the *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology] journal / ed.-in-chief by V. M. Orel; eds. By D. A. Bayuk, N. M. Lozovskaya. Preface by Yu. M. Baturin. M.: Izd-vo «RTSoft». 288 s. (in Russian).

Mikulinskii S. R. (1984) Soizmeryat' dostignutoe s tem, chto nado sdelat' [To measure what has been achieved with what needs to be done] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the History of Science and Technology]. № 3. S. 89–97. (in Russian).

Orel V. M. i G. I. Smagina. (2003) Komissija po istorii znaniy. 1921–1932 gg. Iz istorii organizacii istoriko-nauchnyh issledovanij v Akademii nauk: Sb. dokumentov [Commission for the history of knowledge. 1921–1932. From the history of historical-scientific researches organization in the Academy of Sciences: Documents collection] / comp. by V. M. Orel and G. I. Smagina. SPb.: Nauka. 765 s. (in Russian).

Orel V. M. i G. I. Smagina. (2013) V. I. Vernadskij i Komissija po istorii znaniy (K 150-letiju so dnja rozhdenija V. I. Vernadskogo): Sb. statej i dokumentov [V. I. Vernadsky and the Commission for the history of knowledge (Commemorating V. I. Vernadsky's 150th anniversary). A collection of essays and documents] / ed.-in-chief by Yu. M. Baturin; compl. by V. M. Orel and G. I. Smagina. M.; SPb.: Rostok. 608 s. (in Russian).

Plakhov V. D. (1989) Muzej istorii nauki pora sozdat v nashem gorode [It is time to create a Museum for the history of science in our city] // *Leningradskaya Pravda*. 5, January. P. 1. (in Russian).

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ КОНАШЕВ

главный научный сотрудник

Санкт-Петербургского филиала

Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: mbkonashev@mail.ru

УДК 316.35

Лысенкоизм как «белое пятно» в «социальной истории науки». Часть 1. В зеркале критики

В первой части статьи излагаются результаты исследования данных, содержащихся в монографиях и статьях, посвященных критике лысенкоизма, дополненные сведениями о лысенкоистах из энциклопедий, энциклопедических и специализированных справочников. Общее число лысенкоистов, упомянутых в этих работах, составляет 385 человек. При этом о большей их части, 200 чел., никаких сведений нет вообще, а относительно 147 чел. в основном называется только их место работы, либо научное звание. Имеющиеся сведения о социальном происхождении, образовании и научной карьере лысенкоистов крайне скудны. Даже для 38 чел., о которых имеется более полная информация, те или иные сведения были взяты из различных энциклопедий и справочников. Однако сведения о 13 чел. в энциклопедиях и других справочных изданиях отсутствуют. Наиболее важной характеристикой данной группы является специальность. Среди лысенкоистов преобладали селекционеры, философы, агрономы, физиологи и биохимики. Во второй части статьи будут представлены результаты исследования тех данных, которые содержатся в текстах самих лысенкоистов, а также эти результаты будут сопоставлены с результатами первой части статьи.

Ключевые слова: лысенкоизм, образование, научные институты, общество, государство.

Лысенкоизм как наиболее известный пример псевдонауки в XX в., как особое социально-политическое явление был и остается предметом ряда отечественных и зарубежных исследований [см. например: Александров, 1992; Гершензон, 1994; Дубинин, 1990, 1992; Лебедев, 1991; Любищев, 1991, 2006; Медведев, 1993; Раменская, 1993; Соифер, 1993, 2002; Эфроимсон, 1989; Adams, 1977, 1977–78, 1990; Buican, 1978; Hansen, 1985; Graham, 1972, 2016; Joravsky, 1970; Lecourt, 1977; Lewontin and Levings, 1976; Prtince, 2008; Roll-Hansen, 2005; Soyfer, 1994; Stanchevici, 2012]. Актуальность предмета определяется не только актуализацией прошлого, то есть попытками заново взглянуть на историю, в том числе на историю науки, вызванными целым рядом проблем и «вызовов», возникших в результате эволюции современного общества, но и тем, что многие старые проблемы так и не были решены или были решены лишь частично и недостаточно. Это наложение старых и новых проблем проявилось, в частности, в дискуссии, вызванной попытками пересмотреть историю отечественной генетики, роль Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко в ней, и отпоре этих попыток [Голубовский, 2015; Захаров-Гезехус, 2011].

Несмотря на обилие публикаций о лысенкоизме, в особенности о Т. Д. Лысенко, какой-либо более или менее полной картины лысенкоизма нет, и даже в отношении Т. Д. Лысенко в зарубежной литературе имеется немало ошибок, на которые указывали отечественные, в том числе теперь уже бывшие отечественные,

исследователи. Так, например, по мнению В. Н. Сойфера, «распространено заблуждение, что, дескать, в начале его карьеры Лысенко был еще вполне приличным исследователем, физиологом растений» [Сойфер, 2002, с. 43]. Правда, В. Н. Сойфер ссылается лишь на одну статью Roll-Hansen Nils “Genetics under Stalin” (Science, 1985, vol. 227, p. 1329).

Но и сам В. Н. Сойфер, как и некоторые другие авторы, не избежал определенной односторонности в объяснении лысенкоизма, утверждая, в частности, что второй главной задачей его книги был анализ лысенкоизма с целью «понимания политиканства в управлении страной» и «описания его характерологических особенностей на конкретном материале» и что ему «удалось устранить некоторые заблуждения относительно природы лысенкоизма как политического течения» [Сойфер, 2002, с. 44]. По В. Н. Сойферу, главное из этих заблуждений «заключается в том, что государственную поддержку лысенкоизма нельзя считать результатом культа одного Сталина. <...> партийные лидеры страны совместными усилиями намеренно и целенаправленно поддерживали лысенкоизм и столь же намеренно шли к запрещению генетических исследований». В качестве третьей задачи своей книги В. Н. Сойфер назвал обоснование «положения, что лысенкоизм — это вовсе не система ошибочных, антинаучных взглядов одного человека, поддерживаемого лидерами официальной идеологии и государственного аппарата, а социальное явление, возникшее в условиях внешне планового построения науки, а на деле жесткого и непрерывного диктата партии в науке» [Сойфер, 2002, с. 44]. Однако назвав лысенкоизм политическим явлением, В. Н. Сойфер не определил, в чем же оно заключается, сведя к тому, что оно состоит в «непрестанном диктате партии в науке». Но при таком определении лысенкоизма теряется его специфика и остается непонятным, почему лысенкоизм имел место именно в биологии и его не было в других областях, в физике или математике, в лингвистике или истории. Указание на то, что нечто сходное имело место и там, например в языкознании или в истории, не может служить аргументом. Все другие «измы» все же являлись научными школами, а не псевдонаукой, не приводили к разгрому самих научных направлений, дисциплин и целых областей научного исследования, к потере работы, а то и жизни учеными в результате господства лидера соответствующего «изма». Наконец, они не достигли масштаба общегосударственной кампании, каковой стал разгром генетики после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Они были лишь подобиями, часто бледными, лысенкоизма и зачатками аналогичных «лысенкоизмов», но так ими и не стали и, скорее всего, и не могли стать. Сойфер перечисляет некоторые специфические профессиональные черты лысенкоистов, сводя их фактически к тому, что как ученые они были «даже не третьего сорта, а хуже» [Сойфер, 2002, с. 967]. Но причиной такого их качества указывает только личный подбор кадров самим Т. Д. Лысенко.

Иначе говоря, лысенкоизм им и рядом других авторов верно определяется как социально-политическое явление, но при этом не дается ни сколько-нибудь полное и глубокое описание этого явления, ни его определение, которое заменяется, или, точнее, подменяется приведением лишь одной, хотя и одной из главных, причем часто внешних черт. В «социальной истории науки» и в социологии науки до сих пор нет того, что можно было бы назвать социальным портретом «советского ученого», в том числе советского биолога и советского генетика [Конашев, 2016, с. 33]. Нет фактически и такого портрета лысенкоиста. Еще никто не рассматривал лысенкои-

стов как особую социальную и, если можно так сказать, профессиональную группу, не попытался выявить и описать основные ее характеристики, в том числе такие, как социальное происхождение, образование, социальный статус, социальные, политические и профессиональные интересы, особенности жизни, профессиональной и общественной (политической) деятельности, особенности мировоззрения и в каком-то смысле даже идеологии. А ведь знание, хотя бы некоторых из этих характеристик, позволило бы, по меньшей мере, уточнить, а возможно, и скорректировать некоторые утверждения и заключения, лучше понять и объяснить не только само явление лысенкоизма, но и ряд других явлений и событий в истории не только отечественной биологии, но и отечественной науки в целом в истории страны. Данное исследование призвано, насколько это возможно, хотя бы частично восполнить это пробел.

Цель и средства исследования

Как и в случае с генетиками, почти все субъекты исследования, лысенкоисты, уже стали историческими фигурами, и обычное социологическое исследование невозможно. Доступны только те эмпирические данные, которые зафиксированы в различного рода документах, в том числе архивных, имеющих определенную долю достоверности, в литературных источниках. Архивные документы не использовались в силу труднодоступности архивов и трудоемкости поиска нужных документов, а также потому, что в архивах сохранились документы, относящиеся лишь к немногим лысенкоистам, и то в небольшом количестве. Основную документальную базу исследования составили книги и статьи, как непосредственно посвященные лысенкоизму, так и истории отечественной биологии в целом, а также брошюры, книги и статьи самих лысенкоистов. Статьи, рецензии и другие материалы последних в основном публиковались в их журнале, главным редактором которого был Т. Д. Лысенко, и который выходил в 1935–1941 гг. под названием «Яровизация», а в 1946–1965 гг. под названием «Агробиология».

Первая часть статьи основана на данных, полученных при исследовании книг и статей с критикой лысенкоизма, приведенных в списке литературы.

Лысенкоизм как проблема предмета исследования

Прежде всего, встает вопрос о том, а кого собственно относить к лысенкоистам, или, в другой формулировке, кого можно и следует включать в состав лысенкоистов? Только тех, кто называл себя учеником Т. Д. Лысенко, или кого считали его учениками, кто в своей научной деятельности руководствовался его идеями и методами, и писал об этом в своих публикациях, или также тех, кто всего лишь, как некоторые студенты 1930-х гг. всего лишь подписывал даже не ими составленные обращения, писал доносы на генетиков, публиковал хвалебные статьи о Т. Д. Лысенко и разносные о генетиках в газетах, кто, являясь партийным или государственным деятелем, поддерживал Т. Д. Лысенко? Включать ли и их

всех в состав лысенковцев? Включать ли тех, кто не вошел в состав ВАСХНИЛ, после августовской сессии 1948 г., почти поголовно лысенковский, но кто тем или иным образом оказался причастен к лысенкоизму, как, например, Р. В. Петров, «защитивший в 1954 году кандидатскую диссертацию, в которой он якобы доказал образование брюшнотифозных бактерий и дизентерийных палочек из живого вещества», а в 1988 г. ставший вице-президентом АН СССР [Сойфер, 2002, с. 47]? По тексту книги В. Н. Сойфера, как и в других работах, упоминаются те, кто хвалил Т. Д. Лысенко и его «новаторские приемы» в печати, как, например, В. Ипполитов, или кто, напротив, травил генетиков в печати, как например, Н. Дмитриев, В. Минаев, Д. Криницкий, Е. Лященко, Г. Павлов. Но как первые, так и вторые, были либо всего лишь журналистами, корреспондентами, или же научными работниками, выполнявшими в тех условиях и в тот момент, часто одноразово так называемый «политический заказ», то есть ни первые, ни вторые, собственно лысенкоистами не были, хотя, безусловно, были частью пропагандистской и репрессивной партийно-государственной системы.

Некоторые ученые в тот или иной момент, по тем или иным причинам, так или иначе поддержали Т. Д. Лысенко. Так, 12 октября 1940 г., уже после ареста Н. И. Вавилова, о котором Т. Д. Лысенко и И. И. Презенту якобы было известно [Сойфер, 2002, с. 515], Ученый совет ВИРа 24 голосами «за» при одном воздержавшемся поддержал кандидатуру Т. Д. Лысенко на получение Сталинской премии. С обоснованием выступили не только такие откровенные лысенковцы, как, например, И. Г. Эйхфельд и А. И. Мальцев, но и те, кто ранее критиковал Т. Д. Лысенко, в частности Ф. Х. Бахтеев, К. А. Фляксбергер, И. А. Сизов, Л. И. Говоров [Сойфер, 2002, с. 517]. В состав комиссии, которая готовила характеристику на Н. И. Вавилова по запросу НКВД, вошли В. С. Чуенков, зам. наркома земледелия СССР, В. В. Мосолов, вице-президент ВАСХНИЛ, И. В. Якушкин, акад. ВАСХНИЛ, А. П. Водков, зам. начальника Главсортуправления Наркомзема и А. К. Зубарев, ученый секретарь секции растениеводства ВАСХНИЛ [Сойфер, 2002, с. 533–534]. 13 декабря 1940 г. в газете «Ленинградский университет» было опубликовано письмо 13 студентов и 1 студента 3-го курса биофака ЛГУ с обвинениями в адрес Г. Д. Карпеченко. В другом письме пять профессоров биофака просили Карпеченко перестроить его курс генетики «ради спасения факультета» [Сойфер, 2002, с. 540–541]. В число лысенкоистов В. Н. Сойфер занес и «приспособленцев» — генетиков, державших «нос по ветру», — С. И. Алиханяна, А. Е. Гайсиновича, А. С. Кривицкого, М. Е. Лобашева, Н. И. Нуждина, Н. И. Шапиро [Сойфер, 2002, с. 753–759]. Некоторых из них называет и Н. П. Дубинин, добавляя к ним имена Д. К. Беляева и М. С. Гилярова [Дубинин, 1990, с. 267–269]. Таким образом, у В. Н. Сойфера, В. Я. Александрова, Н. П. Дубинина, Ж. А. Медведева и других авторов часто упоминаются лица, временно или даже одноразово проявившие себя как лысенкоисты.

Кроме того, в лысенкоисты у В. Н. Сойфера попали даже те, кто написал книги с критикой лысенкоизма, в том числе и Ж. А. Медведев, «кандидатская диссертация которого включала существенным элементом фальсификацию данных и поношение генетики» [Сойфер, 2002, с. 47]. В число лысенкоистов у В. Н. Сойфера попал не только Ж. А. Медведев и Ю. И. Полянский, но и П. М. Жуковский — только потому, что подписал нужное лысенкоистам заключение о деятельности Г. Д. Карпеченко в качестве директора ВИРа 11 января 1956 г. [Сойфер, 2002, с. 545].

В качестве лиц, поддерживавших по разным причинам Т. Д. Лысенко, его критики упоминают разных партийных и государственных деятелей помимо И. В. Сталина и Н. С. Хрущёва. Но, по крайней мере, в некоторых случаях из текста следует, что эта поддержка была связана с тем, что Т. Д. Лысенко использовался в борьбе внутрипартийных группировок. Так, Л. П. Берия убеждает И. В. Сталина, что «попытка А. А. Жданова сокрушить народного ученого является грубой ошибкой» потому, что в то время «между А. А. Ждановым и группировкой Берии—Маленкова велась жестокая борьба за место у трона» [Александров, 1992, с. 23]. На расширенном заседании Президиума АН СССР 24–26 августа 1948 г., через 17 дней после сессии ВАСХНИЛ, за мичуринскую биологию, то есть в поддержку лысенкоизма, высказались ряд ученых [Дубинин, 1990, с. 243]. Очевидно, что приглашенные высказались, поскольку действительно были за лысенкоизм, а вот члены Президиума могли высказаться «за» просто потому, что являлись его членами.

Еще один аспект этой проблемы заключается в том, что ни со снятием Т. Д. Лысенко с его постов, ни с его смертью лысенкоизм вовсе не перестал существовать, и, «хотя лысенковский институт генетики был закрыт, все остальные — и крупные, и мелкие — научные организации, где главенствовали лысенкоисты, сохранились нетронутыми, и все люди оставались на своих местах. Произошла некоторая мимикрия, но и только» [Сойфер, 2002, с. 47]. Так, в АН СССР среди академиков были лысенкоисты, в т. ч. Лукьяненко, Пустовойт, Ремесло, а вся ВАСХНИЛ была и осталась практически укомплектована лысенкоистами [Сойфер, 2002, с. 930–931]. Среди них В. Н. Сойфер называет А. А. Сохинова, который начал свою карьеру с восхваления Лысенко и «ставший в 1973 году первым вице-президентом ВАСХНИЛ, а позже Президентом сельхозакадемии Украины» [Сойфер, 2002, с. 47]. Его поддержал Н. П. Дубинин: «Основное ядро лысенкоизма до последнего времени сохранялось в системе ВАСХНИЛ» [Дубинин, 1990, с. 383].

В работах отечественных критиков лысенкоизма почти ничего не говорится о зарубежных лысенкоистах. В. Н. Сойфер повествует лишь о поездках И. Е. Глущенко с женой по заграницам, о переводе работ зарубежных лысенкоистов и их публикации в журнале «Агробиология» [Сойфер, 2002, с. 807], а также очень кратко о том, как в связи с дарвиновским юбилеем в 1959 г. тот же И. Е. Глущенко обеспечил два номера «Агробиологии» статьями зарубежных авторов [Сойфер, 2002, с. 869–870]. Очень коротко о зарубежных лысенкоистах пишет и В. Я. Александров [Александров, 1992, с. 67–69], особо отмечая также, что «труды» лысенкоистов использовались для дискредитации советской науки [там же, с. 69], а некоторые зарубежные ученые-коммунисты вышли из своих партий из-за несогласия с насаждением лысенкоизма [там же, с. 71].

Как видим, в работах, посвященных критике лысенкоизма, спектр лысенкоистов предельно широк — от его ближайших «единоверцев» до тех, кто по недомыслию или в силу обстоятельств вынужден был либо голосовать за какую-либо лысенковскую акцию, либо подписывать осуждающие «вейсманизм-морганизм» письма. Если первых поэтому можно определить как собственно лысенкоистов, или лысенкоистов в узком смысле, то о вторых можно говорить как о лысенкоистах лишь относительно или в широком смысле. Однако в лысенкоизм как социально-политическое явление были вовлечены люди, составившие весь спектр лысенкоистов, и все они несут свою долю ответственности.

Полученные результаты исследования и их возможная трактовка

При анализе и интерпретации имеющихся данных необходимо иметь в виду ряд обстоятельств, без учета которых получается неполная, а то и вовсе недостоверная картина. Это относится к целому ряду характеристик лысенкоистов, в частности к месту их работы. Так, например, многие лысенкоисты, в том числе С. Н. Шунденко, А. В. Пухальский, Ф. К. Тетерев, появились в ВИРе помимо, а точнее вопреки воле его директора, Н. И. Вавилова, попав в институт по особой партийной разрядке в качестве «специальных» («особых») аспирантов [Сойфер, 2002, с. 460]. Эти сведения В. Н. Сойфер взял из воспоминаний Е. С. Якушевского, сотрудника и друга Н. И. Вавилова [Лебедев, Колчинский, 1994, с. 211]. Сведения достоверные, так как действительно было упоминаемое в воспоминаниях постановление ЦК ВКП(б) об особой аспирантуре по ВАСХНИЛ, но документального подтверждения, то есть ссылки на само постановление в книге нет. В примечании, набранном мелким шрифтом, говорится, что по этому постановлению ЦК ВКП(б) в «специальной аспирантуре» на все институты ВАСХНИЛ было выделено 40 мест. Однако сколько таких мест для «специальных аспирантов» было выделено на ВИР, не указано. Некоторая информация по «специальной аспирантуре» имеется в книге Ж. А. Медведева, но также в примечании: «В конце 20-х и начале 30-х годов аспиранты не были, как в настоящее время, сотрудниками отдельных кафедр и научных институтов, а набирались в особые институты аспирантуры — нечто вроде самостоятельных высших учебных заведений особого типа. В 1931 г. эта система подготовки аспирантов была реорганизована и институты аспирантуры ликвидировали. Всех аспирантов директивным путем распределили по различным научным учреждениям и вузам. В начале 1931 г. ликвидировали и Ленинградский институт аспирантуры ВАСХНИЛ, и все семьдесят аспирантов были направлены во Всесоюзный институт растениеводства» [Медведев, 1993, с. 88]. Таким образом, действительно ценная с точки зрения социальной истории науки информация оказывается в разряде дополнительной и второстепенной, к тому же все равно неполной и требующей перепроверки. Ведь по В. Н. Сойферу, «на все институты ВАСХНИЛ было выделено 40 мест», и сколько из аспирантов попало в ВИР вообще, неизвестно, но в любом случае меньше 40, а согласно Ж. А. Медведеву «все семьдесят аспирантов были направлены во Всесоюзный институт растениеводства». Исследованием «специальной аспирантуры», а также истории и значения данного, несомненно важного постановления ЦК ВКП(б), как и многих других документов и фактов, ни В. Н. Сойфер, ни другие авторы, вроде бы писавшие и пишущие о «социальной истории лысенкоизма», не занимались.

Следует отметить и некоторые другие особенности исходных текстов, снижающие их ценность, а иногда и ставящие под сомнение те выводы, которые в них сделаны. Одним из важнейших является ссылка не на первоисточники, будь это даже воспоминания, к которым тоже надо относиться с определенной долей скепсиса даже при полном доверии к их авторам, а на другие работы, основной частью которых оказываются публицистические и художественные тексты. Так, В. Н. Сойфер часто ссылается на книгу М. Поповского [Поповский, 1991], не являющуюся историко-научным исследованием и вызвавшую много нареканий [см. например: Левина, 1992; Медведев, 1993, с. 24, 34, 109, 295, 297, 298, 300, 301, 304, 316, 325, 333, 335; Резник, 1992].

В работах о лысенкоизме встречаются фамилии лысенкоистов без инициалов, либо один или оба инициала не совпадают в разных работах, что, возможно, является всего лишь опечаткой в одной из них. Тем не менее с учетом этого и других обстоятельств общее число лысенкоистов, упомянутых в этих работах, составляет 385 чел. При этом о большей их части, 200 чел., никаких сведений нет вообще, а относительно 147 чел. в основном называется только их место работы, либо научное звание. Имеющиеся сведения о социальном происхождении, образовании и научной карьере лысенкоистов крайне скудны. Как правило, автор в лучшем случае ограничивается перечислением тех ступенек научной и административной карьеры, по которым восходил тот или иной лысенковец [см. например: Дубинин, 1990, с. 384—386]. Даже для 38 чел., о которых имеется более полная информация, те или иные сведения должны были быть взяты из энциклопедий и справочников, чтобы эти сведения могли быть сопоставимы со сведениями о генетиках [Конашев, 2016]. Ни для одного лысенкоиста таких сведений в работах с критикой лысенкоизма нет. Поскольку именно эти лысенкоисты в критических работах о лысенкоизме упоминаются чаще всего, в том числе в именных указателях (там, где они есть), эту часть лысенкоистов можно условно назвать основной группой или ядром лысенкоизма.

Что все-таки, при такой ограниченности сведений, с учетом дополнений из энциклопедий и справочников, может быть сказано о том, каким был состав этой группы? Каковы ее основные характеристики? Какие выводы можно сделать относительно этой части лысенкоистов?

Из 38 чел. сведения о 13 чел. в энциклопедиях и других справочных изданиях отсутствуют. Лишь о 12 чел. даны сведения об их социальном происхождении, что может вызвать удивление, учитывая тот факт, что практически на протяжении всего советского периода как в автобиографиях, так и в «личных листках по учету кадров», заполнявшихся при приеме на работу и в ряде других случаев была соответствующая графа. Из тех 12 чел., о которых имеются сведения об их социальном происхождении, произошли из семей рабочих — 5 чел., в том числе ремесленников — 2 чел., служащих — 3 чел., крестьян — 2 чел., партийных работников — 1 чел., дворян — 1 чел. Из них лысенкоисты — партийные и государственные деятели произошли из семей рабочих — 3 чел., в том числе ремесленников — 1 чел., служащих — 1 чел.

По месту рождения, которое отчасти связано с социальным происхождением, из тех 25 чел., о которых имеются соответствующие сведения, лысенкоисты распределяются следующим образом: в столице, то есть Санкт-Петербурге, родились 2 чел., в крупных городах — 2 чел., в небольших городках — 7 чел., в деревне (селе) — 14 чел. Таким образом, за исключением 2 чел., все родились в провинции.

По времени рождения группа делится следующим образом: до 1901 г. — 14 чел., в 1901—1908 гг. — 11 чел., в 1930—2 чел. За исключением 2 чел., все лысенкоисты родились в конце XIX — начале XX в., то есть в тот период, когда генетика еще либо вообще не существовала, либо в тот момент, когда в науке еще продолжались споры о наследовании приобретенных признаков и о ряде альтернативных дарвинистской теорий эволюции, среди которых первое место все еще занимал неоламаркизм. К тому же, большая часть группы закончила сельскохозяйственные учебные заведения, и в основном в провинции: Военно-медицинскую академию — 1 чел., Волгоградский сельскохозяйственный институт — 1 чел., Воронежский медицинский институт — 1 чел., Казанский государственный университет — 1 чел., Куйбышевский сельскохозяйственный институт — 1 чел., Ленинградский государственный

университет — 2 чел., Ленинградский сельскохозяйственный институт — 1 чел., Московский государственный университет — 4 чел., Масловский институт селекции и семеноводства им. К. А. Тимирязева — 1 чел., Московскую сельскохозяйственную академию — 4 чел., Одесский сельскохозяйственный институт — 1 чел., Петроградский политехнический институт — 1 чел., Петроградский сельскохозяйственный институт — 1 чел., Ростовский государственный университет 1 чел., Среднеазиатский государственный университет — 1 чел., Уманское училище земледелия и садоводства, затем Киевский сельскохозяйственный институт — 1 чел., Харьковский агрономический институт — 1 чел. Несколько человек получили так называемое «партийное» образование в Институте красной профессуры — 4 чел., 1 чел. (Н. С. Хрущёв) закончил Промышленную академию (в Москве), и 1 чел. (И. В. Сталин) получил духовное образование сначала в Горийском духовном училище, а затем в Тифлисской духовной семинарии, которую не закончил.

Партийные и государственные деятели лысенковцы занимали различные партийные и государственные посты, в основном в наркоматах (затем в министерствах) и/или в ЦК КПСС, и в любом случае, даже независимо от их отношения к лысенкоизму, должны были поддерживать лысенкоизм после соответствующих решений, следуя партийной дисциплине. Лысенкоисты — научные работники на пике своей карьеры занимали должности директоров, реже — заместителей директоров, еще реже заведующих кафедрами в тех или иных сельскохозяйственных научных или иных учреждениях: Московский государственный университет и Всесоюзный институт растениеводства — по 7 чел., Одесский институт генетики и селекции — 5 чел., Институт генетики, Академия медицинских наук СССР, президиум АН СССР и Всесоюзная академия сельского хозяйства (ВАСХНИЛ) — по 3 чел., Институт философии — 2 чел. Во всех остальных научных и иных учреждениях работало по 1 «лысенковцу»: Азербайджанская центральная опытная селекционная станция, Всесоюзный институт северного зернового хозяйства и зернобобовых культур, Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладной и молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ, Всесоюзный научно-исследовательский институт прикладной и молекулярной биологии и генетики ВАСХНИЛ, Волжский государственный сельскохозяйственный институт, ВСМГИ, Зоологический институт, Институт агроэкологии и биотехнологии Украинской академии аграрных наук, Институт белка, Институт биофизики МЗ СССР, Институт биохимии, Институт истории естествознания и техники, Институт иммунологии МЗ СССР, Институт красной профессуры, Институт мозга АМН СССР, Институт морфологии животных им. А. Н. Северцова АН СССР, Институт общей генетики, Институт философии, Институт физиологии АМН СССР, Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, Институт эпидемиологии и микробиологии АМН СССР им. Н. Ф. Гамалея, Ленинградский государственный политехнический институт, Ленинградский государственный университет, Масловский институт селекции и семеноводства им. К. А. Тимирязева, Московский зооветеринарный институт, Министерство образования РСФСР, Министерство образования СССР, Московское областное управление сельского хозяйства, Мироновская селекционно-опытная станция, Московский филиал Всесоюзного института экспериментальной медицины, Наркомат земледелия СССР, Научно-исследовательский институт хлопководства, Почвенный институт им. В. В. Докучаева, Президиум ВАСХНИЛ, Северо-Донецкая государственная селекционная станция, Сибирский НИИ сель-

ского хозяйства, Сельхозакадемия УССР, Шатиловская селекционная станция, Экспериментальная научно-исследовательская база АН СССР «Горки Ленинские». Поскольку большая часть лысенкоистов сменила 2–3 места работы, общее количество учреждений, где лысенкоисты занимали те или иные должности больше количества самих лысенкоистов. Практически все они были не раз награждены орденами и медалями, получали сталинские, а затем, уже меньше, другие премии.

Еще одним важным показателем является специальность. Среди лысенкоистов были следующие научные работники: агроном — 3, биохимик — 3, ботаник — 1, гистолог — 1, государственный и партийный деятель — 3, паразитолог — 1, иммунолог — 1, нейрофизиолог — 1, растениевод — 2, селекционер — 6, физиолог — 3, философ — 4 чел. Таким образом, среди лысенкоистов преобладали селекционеры, философы, агрономы, физиологи и биохимики, то есть, если исключить философов, занимавшихся фактически политизированной «схоластикой» XX в., это были ученые, предметом исследования которых был либо организм, либо совокупность организмов, и которым был присущ организмоцентрический (допопуляционный и доэволюционный) тип мышления. Ни одного генетика среди лысенкоистов не было. Но с генетикой они неистово боролись.

Вопрос о том, можно ли по этой части лысенкоистов судить обо всех них и о лысенкоизме, будет затронут особо во второй части статьи, где представлены результаты исследования тех данных, которые содержатся в текстах самих лысенкоистов. Также во второй части статьи будет проведено их сопоставление и сравнение с результатами, изложенными в первой части, сделаны общие выводы.

Литература

- Александров В. Я.* Трудные годы советской биологии. СПб.: Наука, 1992. 262 с.
- Гершензон С. М.* Воспоминания о лысенковщине // Репрессированная наука, СПб.: Наука, 1994. С. 209–218.
- Голубовский М. Д.* Генетика и призрак Лысенко // Природа. 2015. № 6. С. 81–89.
- Дубинин Н. П.* Генетика — страницы истории. Кишинев: Штиинца, 1990. 399 с.
- Дубинин Н. П.* (1992). История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 384 с.
- Захаров-Гезехус И. А.* О попытках реабилитации лысенковщины (обзорная рецензия на книги В. И. Пыженкова, П. Ф. Кононкова, Н. В. Овчинникова, Ю. Мухина) // Историко-биологические исследования. 2011. № 2. С. 124–129.
- Из истории борьбы с лысенковщиной / публикация В. Есакова, С. Ивановой, Е. Левиной // Изв. ЦК КПСС. 1991, № 4. С. 125–141; № 6. С. 157–173; № 7. С. 109–121.
- Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 264–282.
- Левина Е. С.* Беда или вина академика Вавилова // Природа. 1992. № 8. С. 121–124.
- Любищев А. А.* В защиту науки: статьи и письма. Л.: Наука, 1991. 295 с.
- Любищев А. А.* О монополии Т. Д. Лысенко в биологии. М.: Памятник исторической мысли, 2006. 520 с.
- Медведев Ж. А.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, лтд. 1993. 348 с.
- Поповский М.* Дело академика Вавилова. М.: Книга, 1991. 303 с.
- Раменская М. Е.* Правда о лысенковщине // Вестник РАН. 1993. № 9. С. 830–846.
- Резник С. Е.* Снова о Вавилове и Лысенко // Природа. 1992. № 11. С. 88–98.
- Сойфер В. Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.; 2002. 4-е изд. перер. и доп.: М.: ЧеРо, 2002. 1024 с.

Сойфер В. Н. Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 264 с.

Эфроимсон В. П. О Лысенко и лысенковщине // ВИЕТ. 1989. № 1–4. С. 79–93, 132–147, 96–109, 100–111.

Lysenkoism and “Social History of Science”. Part 1. In the Mirror of Critics

MIKHAIL B. KONASHEV

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, St Petersburg Branch,
Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;
e-mail: mbkonashev@mail.ru

Abstract: In article results of research of the data containing in articles in encyclopedias, encyclopedic and specialized reference books, journals, and also the monographs devoted to the critics of lysenkoism are presented. Total number of the lysenkoists mentioned in these works — 385 people. At the same time there are no data at all about their most part — 200 people. The available data on a social origin, education and scientific career of lysenkoist are extremely poor. Even for 38 people about whom there is more information additional data were taken from various encyclopedias and reference books. The most important trait of this group of the lysenkoists is a specialty. Among lysenkoists prevailed selectors, philosophers, agronomists, physiologists and biochemists. In the second part of article results of a research of data which contain in texts of lysenkoist will be presented, and also these results will be compared with results in the first part of article.

Keywords: lysenkoism, education, scientific institutes, society, state.

References

- Aleksandrov V. Ya. (1992). Trudnye gody sovetskoi biologii [Difficult years of Soviet biology]. SPb.: Nauka. 262 s. (in Russian).
- Gershenson S. M. (1994). Vospominaniya o lysenkovshine [Memories of the lysenkovshchina]. In.: *Repressirovannaya nauka* [The repressed science]. SPb.: Nauka. S. 209–218. (in Russian).
- Golubovsky M. D. (2015). Genetika I prizrak Lysenko [Geneticist and the ghost of Lysenko]. In.: *Priroda* [Nature]. No. 6. S. 81–89. (in Russian).
- Dubin N. P. (1990). Genetika — stranitsy istorii [Genetics — pages of history] Kishinev: Shtiintsa. 399 s. (in Russian).
- Dubin N. P. (1992). The history and tragedy of Soviet genetics. M.: Nauka. 384 s. (in Russian).
- Zakharov-Gezekhus I.A. (2011). O popytkakh reabilitatsii lysenkovshiny (obzotnaya retsenziya na kniki V. I. Pyzhenkova, P. F. Kononkova, N. V. Ovchinnikova, Yu. Mukhina) [About attempts of rehabilitation of the lysenkovshchina (the survey review of V. I. Pyzhenkov, P. F. Kononkov, N. V. Ovchinnikov, Yu. Mukhin's books)]. In: *Istoriko-biologichaskie issledovaniya*. [Studies in the history of biology]. No. 2. s. 124–129. (in Russian).
- Iz istorii bor'by s lysenkovshinoi / Publikatsiya V. Esakova, S. Ivanovoi, E. Levinoi [From the history of fight against lysenkovshchina / Publication by V. Esakov, S. Ivanova, E. Levina] (1991). In.: *Izvestiya TSK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU]. No. 4. s. 125–141; No. 6. s. 157–173; No. 7. s. 109–121. (in Russian).
- Lebedev D. V. (1994). Iz vospominanii antilysenkovtva s dovoennym stazhem [From memoirs of antilysenkovets with a pre-war experience. In.: *Repressirovannaya nauka* [The repressed science]. SPb.: Nauka, s. 264–282. (in Russian).

- Levina E. S. (1992). Beda ili vina akademika Vavilova [Trouble or fault of the academician Vavilov]. In: *Priroda* [Nature]. No. 8. s. 121–124. (in Russian).
- Lubishev A. A. (1991). V zahity nauki: stat'i i pis'ma [In protection of science: Articles and letters]. L.: Nauka, 295 s. (in Russian).
- Lubishev A. A. (2006). O monopolii T. D. Lysenko v biologii [About T. D. Lysenko's monopoly in biology]. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 520 s. (in Russian).
- Medvedev Zh. A. (1993). Vzlet i padenie Lysenko: Istoriya biologicheskoi diskussii v SSSR. (1929–1966). [The rise and fall of T. D. Lysenko. The history of biological discussion in the USSR. (1929–1966)]. M.: Kniga, 248 s. (in Russian).
- Popovsky M. (1991). Delo akademika Vavilova [The Vavilov Affair]. M.: Kniga, 303 s. (in Russian).
- Ramenskaya M. E. (1993). Pravda o lysenkovshine [The truth about the lysenkovshchina]. In: *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. No. 9. S. 830–846. (in Russian).
- Reznik S. E. (1992). Snova o Vavilove i Lysenko [Again about Vavilov and Lysenko] In: *Priroda* [Nature]. No. 11. S. 88–98.
- Soifer V. N. (1993, 2002). Vlast' i nauka. Istoriya razgroma genetiki v SSSR. [Power and science. History of defeat of genetics in the USSR]. M.: Lazur'; M.: CheRo, 706 s.; 1024 s. (in Russian).
- Soifer V. N. (1998). Krasnaya biologiya: Pseudonauka v SSSR [Red biology: A pseudo science in the USSR]. M.: Moscow psikhologo-social institute: Flint, 264 s. (in Russian).
- Эфроимсон В. П. (1989). О Лысенко и лысенковщине [About Lysenko and the lysenkovshchina]. In: *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Problems of the history of science and technology]. No. 1–4. S. 79–93, 132–147, 96–109, 100–111. (in Russian).
- Adams M. B. (1977). Biology in the Soviet Academy of Sciences, 1953–1965: A case Study in Soviet Science Policy // *Soviet Science and Technology: Domestic and Foreign Perspectives* / Edited by J. R. Thomas and U. M. Kruse-Vaucienne. Washington: NSF/George Washington University. P. 161–188.
- Adams M. B. (1977–78). Biology After Stalin: A Case Study // *Survey: A Journal of East and West Studies*. No. 102. P. 53–80.
- Adams M. B. (1990). Lysenko, Trofim Denisovich // *Dictionary of Scientific Biography*. Vol. 18. Suppl. II. P. 574–578.
- Buican D. (1978). L'éternel retour de Lyssenko. Paris.
- Hansen N. (1985). A New perspectives on Lysenko? // *Annals of Science*. Vol. 42. No. 3. P. 261–278.
- Graham L. (1972). Science and Philosophy in the Soviet Union. N.Y.: Alfred Knopf.
- Graham L. (2016). Lysenko's ghost: epigenetics and Russia. Cambridge, Massachusetts.
- Joravsky D. (1970). The Lysenko affair. (Russian Research Center Studies, 61). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press.
- Lecourt D. (1977). Proletarian Science? A Case of Lysenko. London: NBL.
- Lewontin R. and Levings R. (1976). The Problem of Lysenkoism // *The Radicalization of Science* / edited by H. Rose and S. Rose. L.: The Macmillan Press Ltd. P. 32–64.
- Prince P. (2008). The Murder of Nikolai Vavilov. The Story of Stalin's Persecution of One of the Great Scientists of the Twentieth Century. N.Y. — L. — Toronto-Sydney.: Simon&Schuster.
- Roll-Hansen N. (2005). The Lysenko effect: the politics of science. Amherst, N.Y.
- Soyfer V. N. (1994). Lysenko and the Tragedy of Soviet Science. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
- Stanchevici D. (2012). Stalinist genetics: the constitutional rhetoric of T. D. Lysenko. Amityville, N.Y.